

УДК 811.161.1: 81'42

О. И. Северская

<https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

«Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма

Для цитирования: Северская О. И. «Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 164-172. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-164-172

Статья посвящена анализу ветхо- и новозаветных библеизмов в поэзии русского метареализма, одного из главных стилевых течений конца XX в. Автор рассматривает обращения поэтов-метареалистов к Священному Писанию, свидетельствующие об их особой «теософии», которую можно определить как лингвистическую, или логоцентрическую. Особое внимание уделяется трактовке метареалистами поэтических универсалий «тишина» и «язык/речь/слово», «Рождество», «Крещение», «путь» и др.

В статье последовательно анализируются (методами герменевтического, семантического, интертекстуального и контент-анализа) словесные образы и мотивы, связанные с представлениями о Крестном Пути, Крещении и Рождестве. В интерпретации евангельских сюжетов поэты-метареалисты исходят из представлений о божественном Слове-Логосе. Крещение ассоциируется с явлением народу Слова в реке-речи, речь же становится синонимом одновременно Рождества и Распятия: рождения «смертного» слова и начала его крестного пути. Поэтическое творчество воспринимается метареалистами как «крест», восхождение на Голгофу. Автор приходит к выводу об интимизации (с опорой на теорию Фрейда) их представлений об этапах земного пути Христа, свидетельствующих об Эдиповом комплексе поэта по отношению к Творцу. В текстах метареалистов обнаружено несколько ипостасей Поэта: «разбойник», возносящийся в «рай» Божьей волей, но способный при этом совершать таинство крещения огнем «глагола»; «плотник», «Иосиф», отчим «богорожденного младенца»; строитель, наместник Небесного Иерусалима и предводитель Небесного воинства слов.

Лингвистическая «теософия» метареализма рассматривается в статье в соотношении с традицией русской духовной поэзии XIX–XX вв. и с поисками «божественного» в современной европейской поэзии, а также с философскими традициями богоискательства и поисков сущего в бытии – с философией Л. Шестова и М. Хайдеггера.

Ключевые слова: метареализм, духовная поэзия, библеизмы, интимизация, фрейдизм в поэзии, теософия, интертекстуальность, анализ поэтического текста.

О. I. Severskaya

«God – Edip – Father»: linguistic «theosophy» of metarialism

The article is devoted to the analysis of the Old and New Testament biblicalisms in the poetry of Russian metarealism, one of the main style trends of the late XX century. The author considers the appeals of metarealist poets to the Holy Scriptures, testifying to their special «Theosophy», which can be defined as linguistic. Particular attention is paid to the interpretation by metarealists of the poetic universals «silence» and «language / speech / word», «Christmas», «Baptism», «path», etc.

The article successively explores (using methods of hermeneutic, semantic, intertextual and content analysis) verbal images and motives associated with ideas about the Way of the Cross, Baptism and Christmas. In the interpretation of the evangetic stories, poets proceed from ideas about the divine Word-Logos. Baptism is associated with the appearance of the Word to the people in the river of speech, speech becomes synonymous with both Christmas and the Crucifix: the birth of the «mortal» word and the beginning of its Way of the Cross. Poetry is perceived by metarealists as a «cross», ascent to Golgotha. The author comes to the conclusion about the intimation (based on Freud's theory) of their ideas about the stages of the earthly path of Christ, testifying to the Oedipus complex of the poet in relation to the Creator. In the texts of metarealists several hypostases of the Poet were discovered: the «robber» who ascends to the «paradise» by God's will, but is capable of performing the sacrament of baptism with the fire of the «verb»; «Carpenter», «Joseph», stepfather of the «God-born baby»; builder, governor of Heavenly Jerusalem and leader of the heavenly host of words.

The linguistic «Theosophy» of metarealism is considered in the article in relation to the tradition of Russian spiritual poetry of the XIX–XX centuries. and with the search for the «divine» in modern European poetry, as well as with the

philosophical traditions of search and search for being in existence – with the philosophy of L. Shestov and M. Heidegger.

Keywords: metarealism, spiritual poetry, biblicalisms, intimization, Freudianism in poetry, Theosophy, intertextuality, analysis of the poetic text.

1. Введение

Поворотные этапы истории всегда сопровождаются своего рода «богоискательством» и «богостроительством», заметными, прежде всего, в философии и литературе. Исследователи видят в них поиски новой социокультурной парадигмы: в кризисные моменты традиционное теологическое видение Бога сменяется культурологическим, в Боге видят уже не столько святую, сколько живую творящую Личность, эталон Человечества, способного созидать и перестраивать мир, делая его совершеннее [Пименов 2013, с. 58–59]. В литературе новейшего времени критической рецепцией христианской ортодоксии был отмечен рубеж XIX–XX вв., новый всплеск интереса писателей к вдохновительному «божеству» пришелся на перелом XX–XXI вв., особенно в поэзии, что отмечают исследователи [Голякова 2005, с. 31; Котова 2007, с. 271; ср. также: Колымагин, 2017; 2018; Мокиенко, 2017].

Растет исследовательский интерес к библейским (ветхо- и новозаветным) мотивам [Тальских 2016]. Библизмы, представляющие собой «общечеловеческий фабульный элемент или «сверхцивилизационную» интерпретацию», рассматриваются как экспрессемы [Сергеева 2019, с. 104] и как основа поэтических универсалий [Захарченко 2008, с. 42], это касается, прежде всего, *Рождества, Распятия, Апокалипсиса, Страшного Суда* и др. [Сергеева 2019, с. 104] и образов, имеющих библейские коннотации: *жизнь, смерть, бессмертие, странствие, путь, крест, тишина, свет* и т. п. [Котова, 2007, с. 270–271; ср. также: Колымагин, 2016; Glatigny, 2017; Guermès, 2012].

Духовную поэзию, – не обязательно религиозно маркированную, но так или иначе обнаруживающую в некоторых моментах теоцентризм и взаимодействие эстетической (художественной) и мистической (религиозной) составляющих [Котова 2007, с. 270], – исследователи рассматривают как открытую систему. В этой системе различаются три стилистических течения [Колымагин 2018; Котова 2007; Подгорская 2015]: (1) собственно духовный стих; (2) литургический символизм, опирающийся на канон; (3) аллюзии

на Священное Писание, метафизические поиски в рамках канонического христианского сюжета. Последние характерны, прежде всего, для начавших писать в 1970–80-е годы, когда была особо «заметна тенденция соединения индивидуального опыта богообщения и стремления к Его познанию с помощью церковного языка» [Котова 2007, с. 270]. В этом периоде корни «теософии» поэтов-метареалистов В. Аристова, Е. Даенина, И. Жданова, А. Парщикова, С. Соловьева, до сих пор не описанной в ее целостности (внимание уделялось лишь Жданову [Козлова, 2002; Токарев, 2016; 2017]): Священное Писание, как будет показано далее, используется ими (наряду с философскими сочинениями и литературными источниками) как ключ к образам в размышлениях о поэтическом слове и его пути.

2. Теософский логоцентризм

Свою философию метареалисты основывают как на Евангелии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 1), ср. у Даенина: «*в начале было слово, – не чело, / а слово, – не терновые покровы, / а слово*» («Сад» [Даенин, 2000, с. 23]; здесь и далее курсив в примерах мой – О. С.), так и на концепции «Вавилонской библиотеки» Борхеса: «Мистики уверяют, что в экстазе им является шарообразная зала с огромной круглой книгой, бесконечный корешок которой проходит по стенам. [...] Эта сферическая книга есть Бог» [Борхес, 1989, с. 81], проецируя ее на свое представление о божественном Слове. У Соловьева «Бог стоял на своем слове, как девочка на шаре («Где пахло снегом и золою...» [Соловьев, 1993, с. 177]), в этих строчках – и игра с идиомой *стоять на своем*, и намек на сотворение словом *земного шара*, мира; образ божественного, не доступного ни зрению, ни слуху Слова-шара встречается у Соловьева не раз: «Шар между нами незримый» («Открытое множество...» [Там же, с. 94]); «И снова катятся шары / бесшумных слов по мысу мысли / и огибают ямы смысла [...] / на волоске меж двух миров» («И снова катятся шары...» [Там же, с. 179]). Речь же у него «дребезжит в воздушных ямах глосс» («Июль.

Жара...» [Там же, с. 180]), и здесь важны представления о *дребезгах речи* как «осколках» и о *дребезжании* как «прерывистом, надтреснутом звучании» Слова. Поскольку *гlossa* [от греч. *glōssa* – язык] это «перевод или объяснение непонятого слова, выражения на полях или в самом тексте древних рукописей», можно отождествить *гlossы* и *ямы смысла* и предположить, что таким образом в тексте анаграммируется *Логос*, сопоставленный *шарам бесцумных слов*.

В христианской философии *Логос* – это образ Бога, и вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «вочеловечение» Логоса, который принес людям откровение и сам был этим откровением («словом жизни»), самораскрытием «бога незримого»: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 14). По Даенину, *Логос* отражается в слове поэтическом «проповедью нагорной *голоса* [...] *поперек горла*» («Заговор крови» [Даенин, 2000, с. 42]), «распятием *горла* на перьях» («Молитва» [Даенин 2000, с. 6], и тем самым связывается с Распятием. Развитие этой темы можно найти и у Соловьева в «Четное, множество...» [Соловьев, 1993, с. 169], и у Жданова – в образах стихотворений «До слова» [Жданов, 2005, с. 77–78], «Взгляд» [Там же, с. 27], «Холмы» [Там же, с. 105–106], где сильны аллюзии к учительству Христа, его молитве в Гефсиманском саду и восхождению на Голгофу, искупительной жертве.

Логос у Даенина рождает логику, в основе которой (что подтверждается этимологически) – и разум, и речь: «слаг, логос, ложью, – надобно / слагать / ложь – ложем: ляжет *логикой* / на ложе / *дочь логоса, наложница и мать, – / мари́я – дочь, жена и мать / божья...*» («Религио» [Даенин, 2000, с. 27]); возведение *логоса* и логики к одному поэтическому корню с ложью вызывает ассоциацию со строкой-афоризмом Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», а образ «изреченной» и «изрекающей» *Мари́и* – с Рождеством.

Здесь можно усмотреть и связь с трактовкой М. Хайдеггером логики как представления «сущего в его бытии» [Хайдеггер, 1993, с. 211] и *Логоса* как «собирающе-раскрывающей» силы «того сказа, в котором дается слово бытию как единственно достойному осмысления (курсив автора – О. С.)» [Там же, с. 380], как многосложного единства, неопределенного и подвижного,

являющегося в кажущемся случайным разнообразии. Соловьев прямо формулирует задачу «мчаться, держа, как Хайдеггер, угол меж сущим и бытием» («Ты – траектория времени...») [Соловьев, 1993, 159]). А Даенин дает пример реконструкции Логоса в многослойной текстовой конструкции (два структурных слоя в приводимом тексте выделены курсивом и подчеркиванием): *отче наш / всякому укажи / мед мне // коль словом твоим мерясь // не исчезает в полях / вереск // но // сквозь склонения / и надежи / боже мой / пчел твоих // мы во лжи // каждая речь о тебе / ересь* («К слову: о Рильке» [Даенин, 2000, с. 59]). Как и у М. Хайдеггера, благодаря «раскрывающему сокрытию» образа [Хайдеггер, 1993, с. 246], у метареалистов Слово вступает в «просвет бытия».

С первообразным Словом ассоциируются, прежде всего, *Абсолют, вакуум, пустота/пустыня, тишина и молчание*. Например, у Парщикова в «Минус-корабле» [Парщиков, 1996, с. 17–19] на языке Бога говорит *тишайшее море*, а в нем – *центр пустоты, изъян*, что силу в себя вбирал и насаждал – отсутствием, диктовал – виды видам, некий *растянутый диапазон образов, вакуум*: «Вдали на дутаре *вёл мелодию скрытый гений*, / лекально скользая, она умножалась и вдруг, / нацеленная в *абсолют*, *сворачивала в апогее*»; а в «Lucy in the sky of diamonds» [Там же, с. 12], где *не было примет* присутствия божественного *иных, чем тихо*, звучит: «*Дай Бог, чтобы осталась пустота*. / Я вижу в том последнюю возможность». Жданов упоминает в «На этой воле, где два простора...» [Жданов, 2005, с. 145] *благословенье пустыни*, а в «Расстоянии между тобою и мной...» [Там же, с. 99] – умение *плыть в плоскостях тишины*. А Даенин в «Мобилевской речи» [Даенин, 2000, с. 44] пишет: «*господи // тише молчания / слово твое*», в «Резьбе по живому» [Там же, с. 37] подбирая *ключ к скважине молчания*. Таким ключом можно считать язык искусства: он создает «контекст невыразимой, уходящей по ту сторону бытия тайны, углубляющейся в бездну бесконечности», давая доступ к неземной логике безмолвия, молчания о сокрытой тайне непроявленного Бытия, и помогая почувствовать «предданность» [Голякова, 2005, с. 32; ср. Токарев, 2016; Dotoli, 2015].

С. Гермес пишет об «инициализирующей силе пустоты, граничащей с Богом», предполагая, что религиозный опыт поэта рождается по мере письма, предполагающего перманентность «во-

прошания» [Guermès, 2012, p. 101–102], в результате чего становится возможным «перевод с божественного на земной», трансформация пустоты в поэтическое сообщение. «Вопросов» у поэтов-метареалистов довольно много, у Жданова: «*вопрошают и тварь, и дух / [...] – Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух?*» («Гора» [Жданов, 2005, с. 126]; у Соловьева: «*Это есть вопрошание сущего в целом / так, что сам ты становишься под вопрос. [...] Вопрошая, ты смотришь на Бога / тем же глазом, что Он на тебя*» («Ты стоишь на краю...» [Там же, с. 181]) и т. д. Как справедливо замечает Л. А. Голякова, «вопрошание переводится из методологического в онтологический план» [Голякова, 2005, с. 31]. И не предполагает ответа, ср. у Парщикова: «*Ответ унижает постановку вопроса*» («Выбор места» [Парщиков, 1996, с. 131]). «Вопрошание» помогает божественному проявиться откликом и связью с другими голосами [Guermès, 2012, p. 114]: «Бог умолк, остался отзвук голоса, утверждавшего связь между Создателем и созданием» [Ibid., p. 113]; пробелы наполняют текст воздухом, чтобы, обрисовав промежутки, дать проявиться его следам, задача поэта – их восполнить [Ibid., p. 111], восприняв пустоту как момент умолкания, предвкушения изобилия, а не недостатка слов [Ibid., p. 103]. У Жданова в «Мастере» [Жданов, 2005, с. 79] найдем тому подтверждение: «*Займи пазы отверстых голосов [...] Он замолчал... [...] Он уходил, незрим и невесом... [...] облекла литая скорлупа его бессмертный выдох... [...] и раздавалось где-то то и дело: / ... я ... задыхаюсь ... душно ... отвори... [...] И небеса, разгоряченный дых, / ты приподнял...*»; ср. у Аристов в «Бессмертии повседневном»: «*Ты... и ты... и ты... / Голоса, замершие [...] в тишине [...] Слово молчит*» [Аристов, 2008, с. 102–103]. Тех же установок метареалисты придерживаются и в философских эссе: «Свидетельства, или видимые знаки веры... Но именно невидимое и есть наилучший свидетель» [Жданов, 2005, с. 157]; «пустота говорит, текст, обступая ее, провоцирует к этому» [Соловьев, 1993, с. 263], движение смысла идет «не по узким и тесным коридорам строк [...], а в нишах, пробелах, колосниках и пустотах меж ними» [Там же, с. 234], чтобы, «не называя предмет или явление, окружить его цепью мерцающих точек и тем самым вынудить самораскрыться» [Там же, с. 232]. Прагматически, как замечает Ц. Ли, заполняющая пустоту тишина в «дыривом» письме равна подтексту [Li, 2017, p. 211]; это

«молчаливая молитва» души, язык приводится в движение ее дыханием [Ibid., p. 218]. Ц. Ли даже предполагает, что применительно к поэзии евангельское «Я есмь *путь* и истина и жизнь» (От Иоанна, Гл. 14, ст. 6) может быть перефразировано как «Я есмь *путь, пустота* и жизнь» [Ibid.], что согласуется с представлением о подтексте как пути к истине Абсолюта [Голякова, 2005, с. 32].

Отсутствие осязаемых форм присутствия Бога в «пустотных» текстах проявляется в деструкции его имени и образа [Guermès, 2012, p. 102]. «Для того, чтобы воплотить нечто в образ, нужно это нечто развоплотить с последующим воскресением, т. е. провести через смерть», – пишет Жданов [Жданов, 2005, с. 170]. Изначальное Слово, бесплотное, невидимое и неслышимое, воплощается в языке и является миру в речи, которая «вынашивает» и «рождает» словесные образы, делая их одновременно преходящими, «смертными». А поэт ищет «зазор между смехом ребенка и смертью» [Соловьев, 1993, 183], «провал», где «осины срастаются с дрожью Иуды / между сущим и бытием» [Там же, 181], судьбоносный интервал между Рождеством и Крещением.

3. «Бог – Эдип – Отец»: интимизация евангельских сюжетов

В обращении современных поэтов, в том числе и метареалистов, к Священному писанию главным становится вопрос о соотношении божественного и человеческого. В поисках ответа избираются две стратегии: интимизации, «вживания» в чужой духовный опыт и его «восполнения» теми моментами, что ему внеположны [Житнев, 2010, с. 8], и интериоризации, присвоения этого опыта; при этом евангельский сюжет становится «способом самопроявления» лирического героя и личности самого поэта – как «внутренняя, глубоко прочувствованная через личный опыт благодать» [Подгорская, 2015, с. 143]. Метареалисты – не исключение: для них, как это формулирует Жданов, «*Бог – это глубоко внутреннее обстоятельство*» [Жданов, 2005, с. 157], что проявляется прежде всего в трактовке Рождества и Крещения.

В «Крещении» Жданова [Жданов, 2005, с. 27–28] есть несколько отголосков пересказываемой от первого лица истории, изложенной в Писании: Иисус был крещен в реке Иордан вместе со своим народом, Креститель «не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он был явлен Израилю» (От Иоанна, Гл. 1, 31); явленный, «Он

будет крестить Духом Святым и огнем (От Матф., Гл. 3, ст. 11). В тексте обозначены моменты до Крещения: «*Меня никто не знает. / Меня как будто нет. Никто не ждет меня*», в предчувствии Рождества: «*И где-то на земле до моего рожденья, / до крика моего в мое дыханье вник / послушный листопад, уже мое спасенье. / Меня на свете нет. Он знает: будет крик*», и священного Крещения огнем: «*Течет во мне река, как кровь глухонемая. / Свершается обряд – в ней крестят листопад, / и он летит на слух, еще не сознавая, / что слух сожжет его и не вернет назад*». Здесь упоминается и *река*, связанная аллюзией с *кровью* и *криком*, а значит, и с рождением и смертью; а *вода*, в которой *крестят* и которая *льется сквозь и пальцами грозит*, – это *дождя отвесная река*, которая *впадает в шест листопада* в другом тексте [Жданов, 2005, с. 32] и ассоциируется с рекой Иордан (в пер. ‘течение, ниспадение’ [БЭ, 1990, с. 359]). В реку превращается и *листопад*: рискнем предположить, что *листья* летят как с райского Древа познания, так и с олив Гефсиманского сада, а образы поэта как *дерева, ветви, листа, кроны* (при общезыковом *лист* ‘страница’) имплицитно представляют о «народе», словах, крестившихся вместе с явленными миру Словом.

Во «Взгляде» Жданов использует едва различимую аллюзию к молитве в Гефсиманском саду – с оглядкой на первородный грех послушания Божьей воли: «*Был послан взгляд – и дерево застыло, [...] надрезана кора, но сок не каплет, / и яблоко надкусанное цело*» [Жданов, 2005, с. 27]. Эти стихи также передают состояние до Крещения (*Там нет меня... Там тишина...*), до явления во плоти Слова, «сущего в недрах Отчужденности» (От Иоанна, Гл. 1, ст. 18), и одновременно отсылают к колебаниям Сына Божьего (*играет в прятки сам с собою*), к его троекратной молитве об отвращении чаши страданий (От Марка, Гл. 14, ст. 36; От Матфея, Гл. 26, ст. 42; От Луки, Гл. 22, ст. 44), страху предать себя и свой путь (*Иуды кровь почувствовав в стопе*) и осознанию его неотвратимости (*вернуть не в силах*).

Крещением метареалисты называют и следование *крестным путем* к *крестной муке*, тем самым показывая себя внимательными читателями Евангелия: «*Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!*» (От Луки, гл. 12, ст. 50), говорил Христос Апостолам. Особенно ярко этот мотив проявляется у Жданова в «До слова» [Жданов, 2005, с. 77–78]: «*О, дайте только крест! И я вздохну от боли*», где

крест благодаря многозначности ключевого глагола – это символ и муки (*вздохнуть* ‘тяжело дышать’), и облегчения (*вздохнуть* ‘почувствовать себя спокойным после пережитого напряжения/освободиться’), а также в «Холмах» [Там же, с. 105–106], где восхождение на Голгофу и ожидание распятия даются через личное лирическое переживание: «*И ты видишь в себе, что здесь поминутно / совершается праздник и преступление, / и на казнь волокут тропью распутной, / начинается подвиг, длится мученье. / Он стоит, лицо закрывая руками, / в одиночестве смертном, один, убогий, / окруженный иудами и врагами, исступленной кровью горя в тревоге*». У Даенина в стихотворении «Сад» [Даенин, 2000, с. 23] находим образ берущего начало от Слова «плодоносного креста», своего рода *крестного* «знамени»; а в «Молитве» [Там же, с. 6] – параллель между неправедной (в Тбилиси 1989 г., где людей превращали в «шашлык [...] распятием горла на перьях / штыков»), и праведной, искупительной жертвой: «*[...] поприще пастыря лемехом взрыто, / и заклано паствой в составах зерна, / и пролито кровью [...]*». У Соловьева в «Четное, множество...» [Соловьев, 1993, с. 169] «жизнь играет в распятии текста: / крестик – Преображение – нолик».

Рождеству поэты-метареалисты уделяют меньше внимания и трактуют его нетрадиционно [ср.: Bravo 2018; Clark, Mo 2018; Coomansingh 2019; Dias 2019; Gold 2017; Morgan 2015; Shea 2017]. Даенин в своем «Рождестве» создает адекватный контекст: «*елового сердца живая руда – / волны золота в полости [...] золотая звезда. да вращенье елового золота / от звезды. да живая руда – как живая вода*», но в *колыбель* помещает «*новорожденное ра – речевое тепло*» [Даенин, 2000, с. 22], где *ра* – синоним *света, сияния, Солнца*, а *Солнце* в Писании это и Бог (Псал. LXXXIII, 12), и Слово Божье (Псал. XVIII, 2–7; От Луки, Гл. 21, ст. 23). У Соловьева в «Амфитеатре печатной машинки...» также звучит тема *рождения речью*: «*Ты скажешь: «Он слово, Он суций!»*». О да, но *твое имя речи – Мария*. И только. *Курсивом: вначале всего – Богородица Дева. Потом – Рождество*» [Соловьев, 1993, с. 184]. Образ Непорочного зачатия также трансформируется в соответствии с принятой поэтической философией: речь оказывается «беременной» языком, невидимым зерном Слова.

Что касается поэта, соучастника и Рождества, и Крещения слов, то в целом в стихах метареалистов представлены три его ипостаси.

Первая – это «разбойник», возносящийся в «рай» Божьей волей (От Луки, гл. 23, ст. 39–43), но способный при этом совершать таинство крещения огнем. Так, у Жданова в «До слова» (стихотворении, полном библейских реминисценций и апокалиптических видений [Северская, 2007, с. 94–102]) речь поэта – *соловьиный свист* (ассоциирующийся с Соловьем-Разбойником), его «возносит в драме / *высвечивать* углы, *разбойничать* и *жечь*» [Жданов, 2005, с. 78]) и он летит, устремляясь в *гору* (ассоциация с Голгофой) и попадая в *раёк*.

Вторая ипостась – «плотник», «Иосиф». Например, у Соловьева в «Амфитеатре печатной машинки...» речь заходит об отношении поэта с текстом, «богорожденным младенцем»: «*кто ты ему? – лишь согбенный ремесленник, отчим...*» [Соловьев, 1993, с. 184], а в «Дух наитья витает над плотью...» говорится: «*Плотник, ты распял на своем ремесле*» [Там же, с. 178], и мотивы Крещения крестом и Рождества переплетаются. В контексте рождения и смерти вспоминает «о *плотничестве* и о *связи небес и пеленок*» Парщиков в «Новогодних строчках» [Парщиков, 1996, с. 64].

Третья ипостась поэта – «строитель и наместник Небесного Иерусалима» и одновременно «предводитель Небесного воинства». Эти образы использует Жданов в «До слова» [Жданов, 2005, с. 78]. Но наиболее ярко и отчетливо они явлены у Парщикова во «Вступлении»: «*Буквы, вы – армия, ослепшая вдруг и бредущая краем времен, [...] брошена техника, [...] но очнутая войска, доберись хоть один до двенадцатислойных стен Идеального Города, и выспись на чистом, и стань – херувим...*» [Парщиков, 1996, с. 91].

В этом видится своего рода «театрализация», характерная в целом для современной европейской поэзии [Nemaïdi, 2019; Li, 2017], при которой незримое и неслышное божественное Слово, язык тишины и пустот, воплощается, разыгрывается «актером в маске Христа», который деперсонализируется, развоплощается и воскресает каждый раз в новом облике [Li, 2017, р. 218]. Метареалисты действительно разыгрывают драму в поэтическом театре [Северская, 2007, с. 93–115], руководствуясь таким отношением к слову и тексту: «*текст [...] в роли зрителя: ты для него – лицедейство, одна из возможных / сред обитанья: судьба, если хочешь*» (Соловьев, «Амфитеатр печатной машинки...» [Соловьев, 1993, с. 184]). Вместе с тем, здесь просматрива-

ется параллель с философией Л. Шестова, на что прямо указывает Соловьев в «Ты – траектория времени...» [Соловьев, 1993, с. 159]: для Л. Шестова Бога как «самостоятельной абсолютной Персоны» нет, «Он всего лишь одно из обликов, которые принимает многоликая Необходимость» [Пименов, 2013, с. 64]; однако «фигура Бога носит у него некий вспомогательный характер и является лишь искусственным методологическим приемом в [...] борьбе с ненавистным ему разумом, логоцентрическим дискурсом как социокультурной матрицей развития европейской цивилизации» [Там же, с. 62], а для метареалистов Бог – это как раз воплощение логоцентризма, а потому в известном смысле соперник в искусстве сотворения мира из слов.

Соловьев (заметим, единственный из метареалистов) пишет об этом соперничестве, выстраивая в виде «ревнивой модели» отношения с языком и речью, сущим и бытием с опорой на теорию З. Фрейда – опять же давая точную отсылку к нему (в «У каждой из тяжущихся сторон...» [Соловьев, 1993, с. 166]) и к понятию Эдипова комплекса в «Форма – это столбняк языка...»: «Ты – ребенок, играющий с телом Матери / там, где место Отца пусто. Положение твое двусмысленно» [Там же, с. 163], и в «Я думаю о связке...»: «Я думаю о связке Бог – Эдип – Отец» [Там же, с. 160]. Подобная трактовка может показаться кощунственной, но она соотносится с идущим от Канта пониманием отношений *Господин/Учитель* vs. *Ученик* [Le Ru, 2019, р. 32], а также с теорией передачи эстафеты к Ученику от Учителя [Nemaïdi, 2019], при самопожертвовании одного (представленного головами персонажей и их создателя-автора) и милости другого, присутствующего имплицитно [Ibid., р. 123–124]. В случае метареализма (и Соловьева в частности) персонажами оказываются *Язык* – в роли Отца/Отчима, и *Речь* – в роли Матери божественного Слова, «способной / лишь именовать, закрепляя все то, что стремится уйти в утаенность, *отцово – / Отцу возвращая [...] – тем, что, пройдя через Лоно, / вернется на новый просвет, / на жизнь*» [Соловьев, 1993, с. 165]; с ними поэт взаимодействует по правилу *неисключенного третьего* [Там же, с. 163], пытаясь выйти к лону *Ничто*, к *Бытию* как *отсутствию формы* [Там же, с. 164]. Мысль о соперничестве с Творцом в творении мира из Ничего опять же созвучна философии Л. Шестова [Пименов, 2013, с. 62], а *Эдипов комплекс* в данном случае – это комплекс творца.

И поиски *сущего* в *существующем* у Соловьева тоже связаны с «ревнивым» (и ревностным) поиском образа Бога-Слова в себе, например, в его стихотворении «Ты помнишь, косматое солнце росло над губами...» [Соловьев, 1993, с. 174]: «И *сущность* твоя – лишь доверчивый отклик на слух. [...] *Быть сущим* среди *сущих*, / *сосушим* лучи, возвращая им дух». Здесь важно и понимание *Божьего Дара*: с одной стороны, это иносказательное имя Христа, с другой – словарное обозначение творческого начала, таланта, и этот «перенос» актуализируется метареалистами, ср. у Жданова в «Ты, как силой прилива...»: «Ты стоишь по колено в безумной слюне / помраченного дара, / разбросав семена по небесной стерне / как попытку и пробу пожара» [Жданов, 2005, с. 114]; у Даенина в «Преступлении через небо»: «плоть от неба / тень раскрыла том (тон)» [Даенин, 2000, с. 35].

Таким образом, поэт сопровождает Слово и на его пути в мир, и на крестном пути, и, преображенное, на пути в Царствие Небесное, к началу начал, в молчание.

4. Заключение

Метареалисты вполне осознают нетрадиционность своей «теософии» и заранее готовы ответить на возможные упреки, в свою очередь, сомневаясь в «истинной» вере: «Что, если ты часть Бога твоего, и она болит, и она – фантом?» (Жданов, «Когда времена проходят...» [Жданов, 2005, с. 171]; «Почему эти вкрадчивые управдомы, эти небесные Швондеры выписывают нам ордера на квадратные метры истины? [...] что происходит с ними на пути восхождения, что происходит с их языком [...], с которым, по идее, они должны ощущать неразрывную божественную связь?» (Соловьев, «Язык.ru» [Соловьев, 2010, с. 108–109]); «Куда запропастились звонари? / Кто даром небо дергает за нитку?» (Парщиков, *Lucy in the sky of diamantes* [Парщиков, 1996, с. 12].

Как можно было заметить, «лингвистическая теософия» метареализма вполне вписывается и в философскую традицию «богоискательства», и в лингвистическую философию, и в традицию русской и европейской духовной поэзии, в которой на рубеже XX–XXI вв. доминирующим становится ощущение пути. Крещение ассоциируется с явлением миру Языка, существующего символа Слова-Сущего, а Рождество символизирует воплощение Языка в Речи, а точнее – изречение Слова, что согласуется с поисками поэтами и

нового языка, и «божественного» как в смятенном хаосе мира, так и в себе.

Библиографический список

1. Аристов В. Избранные стихи и поэмы. Санкт-Петербург : Инапресс, 2008. 319 с.
2. Борхес Х.-Л. Проза разных лет / пер. с исп.; сост. и предисловие И. Тертерян. Москва : Радуга, 1989. 320 с.
3. Голякова Л. А. Подтекст художественного произведения в свете библейской истины // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. С. Бочкарева. Пермь : ПГУ, 2005. С. 30–33.
4. Даенин Е. Возведение в степень. Москва : Изд-во Е. Пахомовой, 2000. 76 с.
5. Жданов И. Воздух и ветер. Москва : Русский Гулливер, 2005. 176 с.
6. Житенев А. А. Интимизация как художественная стратегия: опыт Серебряного века // Вестник Томского гос. университета. 2010. № 334. С. 7–10.
7. Захарченко С. О. Евангельские образы и мотивы как основа поэтической универсалии // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 37–43.
8. Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Ф. Жданова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2002. Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. С. 149–166.
9. Колымагин Б. Тело молчания и миг тишины (в контексте поэзии андеграунда) // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 287–296.
10. Колымагин Б. Поэтическое счастье андеграунда // Арион. 2017. № 4. С. 64–70.
11. Колымагин Б. «Метафизический сквознячок» культурного подполья // Арион. 2018. № 3. С. 57–65.
12. Котова Н. А. Духовная поэзия в современном литературном процессе // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 269–272.
13. Мокиенко В. Библейские мотивы в современной поэзии Донбасса // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 552–566.
14. Парщиков А. Выбранное. Москва : Гарант, 1996. 208 с.
15. Пименов Ю. В. Концепт Бога в русской философии начала XX в.: от богоискательства к богостроительству // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 1(150). С. 58–64.
16. Подгорская А. В. Репрезентация образа рождения в современной русской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). Ч. II. С. 142–145.
17. Северская О. И. Язык поэтической школы. Идиолект, идиостиль, социолект. Москва : Словари.ру, 2007. 126 с.
18. Сергеева Е. В. Библизм как экспрессема и способ организации лирического сюжета в русской поэзии XX в. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleizm-kak->

ekspressema-i-sposob-organizatsii-liricheskogo-syuzheta-v-russkoy-poezii-hh-veka (дата обращения – 15.05.20).

19. Соловьев С. Пир: Тексты. Стихи. Беседы. Николаев-Симферополь: Академия-Таврия, 1993. 320 с.

20. Соловьев С. В стороне. Избранные стихи и эссе. Москва: НЛЮ, 2010. 144 с.

21. Тальских Т. С. Библейские аллюзии в современной поэзии духовной традиции = Biblical allusions in modern poetry of spiritual tradition // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 120–133.

22. Токарев А. А. Поэтика духовной жажды в творчестве Ивана Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–1. С. 38–41.

23. Токарев А. А. Концепция «прязыка» и «языка искусства» в творчестве Ивана Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4–2. С. 40–42.

24. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. Москва: Республика, 1993. 447 с.

25. Bravo J. Good News of Great Joy: Christmas Poetry. S. 1.: Amazon Digital Services, 2018. 38 p.

26. Clark W., Mo L. Christmas Poetry: Letters to Santa. S. 1.: Independently Published, 2018. 51 p.

27. Coomansingh J. Fifteen Christmas Poetry and Some... Bloomington: Xlibris, 2019.

28. Dias B. Christmas Poems from The Heart. Bloomington: Xlibris, 2019.

29. Dotoli G. Langage et Langue de la Poésie française contemporaine. Paris: Hermann, 2015. 336 p.

30. Glatigny S. Le «silence bruyant» de Corbière // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 61–72.

31. Gold R. I. Mary's Lamb and Other Christmas Poems. Bloomington: WestBow Press, 2017.

32. Guermès S. La poésie de Philippe Jaccottet: réparer l'absence, «à la frontière de Dieu» // Quêtes littéraires. 2012. No 2. P. 101–115.

33. Li J. Le silence moderne dans «l'écriture à trou» de Valère Novarina // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 211–220.

34. Le Ru V. «Penser par soi-même» où la question du maître vue par les encyclopédistes et par Kant // Quêtes littéraires, 2019. No 9. P. 32–43.

35. Morgan G. Christmas Poems. London: Pan Macmillan UK, 2015. 176 p.

36. Shea J. Seeing Haloes: Christmas Poems to Open the Heart. Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 2017. 96 p.

Reference List

1. Aristov V. Izbrannyye stikhi i poemy = Selected poems. Sankt-Peterburg: Inapress, 2008. 319 s.

2. Borges X.-L. Proza raznykh let = Prose of different years / per. s isp.; sost. i predisloviye I. Terteryan. Moskva: Raduga, 1989. 320 s.

3. Golyakova L. A. Podtekst khudozhestvennogo proizvedeniya v svete bibleyskoy istiny = The subtext of a work of art in the light of biblical truth // Bibliya i

natsional'naya kul'tura: mezhvuz. sb. nauch. st. / otv. red. N. S. Bochkareva. Perm': PGU, 2005. S. 30–33.

4. Dayenin Ye. Vozvedeniye v stepen' = Raising to a power. Moskva: Izd-vo Ye. Pakhomovoy, 2000. 76 s.

5. Zhdanov I. Vozdukh i veter = Air and wind. Moskva: Russkiy Gulliver, 2005. 176 s.

6. Zhitenev A. A. Intimizatsiya kak khudozhestvennaya strategiya: opyt Serebryanogo veka = Intimization as an artistic strategy: the experience of the Silver Age // Vestnik Tomskogo gos. universiteta. 2010. № 334. S. 7–10.

7. Zakharchenko S. O. Yevangel'skiye obrazy i motivy kak osnova poeticheskoy universalii = Evangelic images and motives as the basis of the poetic universal // Problemy istoricheskoy poetiki. 2008. № 8. S. 37–43.

8. Kozlova S. M. «Bozhestvennyy mladenets» v poezii I. F. Zhdanova = «Divine Infant» in the poetry of I. F. Zhdanov // Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. 2002. Vyp. 4: Sud'ba kul'tury i obrazy kul'tury v poezii XX veka. S. 149–166.

9. Kolymagin B. Telo molchaniya i mig tishiny (v kontekste poezii andegraunda) = The body of silence and a moment of silence (in the context of underground poetry) // Novoye literaturnoye obozreniye. 2016. № 3. S. 287–296.

10. Kolymagin B. Poeticheskoye schast'ye andegraunda = Poetic happiness of the underground // Arion. 2017. № 4, s. 64–70.

11. Kolymagin B. «Metafizicheskiy skvoznyachok» kul'turnogo podpol'ya = «Metaphysical draft» of the cultural underground // Arion. 2018. № 3, s. 57–65.

12. Kotova N. A. Dukhovnaya poeziya v sovremennom literaturnom protsesse = Spiritual poetry in the modern literary process // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2007. № 2. S. 269–272.

13. Mokiyeenko V. Bibleyskiye motivy v sovremennoy poezii Donbassa = Biblical motives in modern poetry of the Donbass // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 2. S. 552–566.

14. Parshchikov A. Vybrannoye = Selected. Moskva: Garant, 1996. 208 s.

15. Pimenov Yu. V. Kontsept Boga v russkoy filosofii nachala XX v.: ot bogoiskatel'stva k bogostroitel'stvu = The concept of God in Russian philosophy at the beginning of the twentieth century: from God-seeking to God-building // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1(150). S. 58–64.

16. Podgorskaya A. V. Reprezentatsiya obraza rozhdestva v sovremennoy russkoy poezii = Representation of the image of Christmas in modern Russian poetry // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11(53). Ch. II. S. 142–145.

17. Severskaya O. I. Yazyk poeticheskoy shkoly. Idiolekt, idiostil', sotsiolekt = The language of the poetry school. Idiolect, idiostyle, sociolect. Moskva: Slovare.ru, 2007. 126 s.

18. Sergeeva Ye. V. Bibleizm kak ekspressema i sposob organizatsii liricheskogo syuzheta v russkoy poezii XX v. = Biblicalism as an Expressive and a Method for Organizing a Lyrical Plot in Russian Poetry of the

- 20th Century. // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2019. № 191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleizm-kak-ekspressema-i-sposob-organizatsii-liricheskogo-syuzheta-v-russkoy-poezii-hh-veka> (available: 15.05.20).
19. Solov'yev S. Pir: Teksty. Stikhi. Besedy = Feast: Texts. Poems. Conversations. Nikolayev-Simferopol': Akademiya-Tavriya, 1993. 320 s.
20. Solov'yev S. V storone. Izbrannyye stikhi i esse = Aside. Selected Poems and Essays. Moskva: NLO, 2010. 144 s.
21. Tal'skikh T. S. Bibleyskiye allyuzii v sovremennoy poezii dukhovnoy traditsii = Biblical allusions in modern poetry of spiritual tradition // Nauchnyy dialog. 2016. № 5 (53). S. 120–133.
22. Tokarev A. A. Poetika dukhovnoy zhazhdy v tvorchestve Ivana Zhdanova = Poetics of spiritual thirst in the works of Ivan Zhdanov // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12–1. S. 38–41.
23. Tokarev A. A. Kontseptsiya «prayazyka» i «yazyka iskusstva» v tvorchestve Ivana Zhdanova = The concept of «proto-language» and «language of art» in the work of Ivan Zhdanov // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 4–2. S. 40–42.
24. Heidegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya = Time and Being: Articles and Speeches. / Per. s nem. V. V. Bibikhina. Moskva: Respublika, 1993. 447 s.
25. Bravo J. Good News of Great Joy: Christmas Poetry. S. l.: Amazon Digital Services, 2018. 38 p.
26. Clark W., Mo L. Christmas Poetry: Letters to Santa. S. l. : Independly Published, 2018. 51 p.
27. Coomansingh J. Fifteen Christmas Poetry and Some... Bloomington : Xlibris, 2019.
28. Dias B. Christmas Poems from The Heart. Bloomington : Xlibris, 2019. 70 p.
29. Dotoli G. Langage et Langue de la Poésie française contemporaine. Paris: Hermann, 2015. 336 p.
30. Glatigny S. Le «silence bruyant» de Corbière // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 61–72.
31. Gold R. I. Mary's Lamb and Other Christmas Poems. Bloomington: WestBow Press, 2017.
32. Guermès S. La poésie de Philippe Jaccottet: réparer l'absence, «à la frontière de Dieu» // Quêtes littéraires. 2012. No 2. P. 101–115.
33. Li J. Le silence moderne dans «l'écriture à trou» de Valère Novarina // Quêtes littéraires. 2017. No 7. P. 211–220.
34. Le Ru V. «Penser par soi-même» où la question du maître vue par les encyclopédistes et par Kant // Quêtes littéraires, 2019. No 9. P. 32–43.
35. Morgan G. Christmas Poems. London: Pan Macmillan UK, 2015. 176 p.
36. Shea J. Seeing Haloes: Christmas Poems to Open the Heart. Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 2017. 96 p.